

Из старого альбома

В рубрике «Из старого альбома» перед читателями уже прошла галерея портретов деятелей отечественной и зарубежной культуры «серебряного века». Елена Рощина-Инсарова, Элеонора Дузе, Осип Мандельштам, А. П. Чехов, Ольга Чехова, Сергей Эфрон, Марина Цветаева... Всех их объединяет нечто более существенное, нежели эпоха, в которую они жили и творили...

Сегодня перед вами малоизвестные страницы творческого наследия В. Г. Короленко.

ловечности и с выражением уверенности, что знаменем партии, которой суждена победа в настоящей свалке, будет обращение к человеческим приемам борьбы.

...Считаю проявление красного террора признаком не силы, а слабости и страха. Опасения писателя оправ-

«ИНТЕРВЬЮ В ПЕЧАТИ НЕ ПОЯВИЛОСЬ»

Быть Царевой ты не захотела.
Уж такое подвернулось дело—
Враг шептал: «Развей да
растопчи,
Ты отдай казну свою—богатым,
Власть — холопам, силу —
судостатам,
Смердам—честь, изменникам —
ключи».

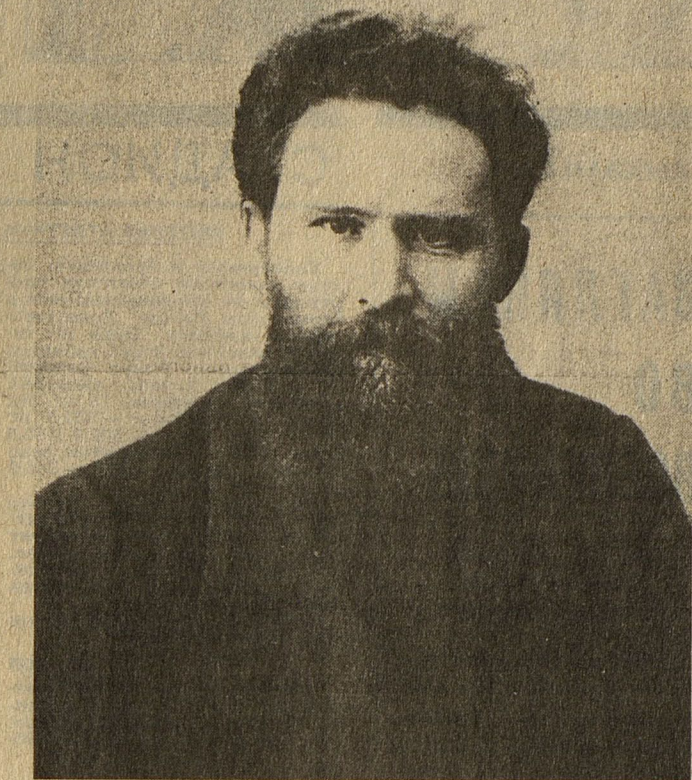
М. Волошин. 1917 год.

«ЧЕМ БОЛЬШЕ я приглядываюсь, чем больше вдумаюсь в происходящее, тем больше утверждаюсь в мысли, что большевизм такая болезнь, которую приходится пережить органически. Никакие лекарства, а тем более хирургические операции помочь тут не могут. Лозунг для масс очень заманчивый. До сих пор вы были в угнетении, теперь будьте господами. И они хотят быть господами. Толкуй тут, что свободный строй требует, чтобы не было господ и подчиненных. Это сложнее, а этот лозунг простой и кажется справедливым: повеличались одни. Теперь будет. Пусть повеличатся другие. Была эксплуатация. Теперь будет «господство пролетариата». И массы верят, что это господство легко осуществимо, не представляя себе, что все дело в производстве, которое всюду остановилось и не двигается ни на шаг. И только когда этот процесс, вернее, когда полное отсутствие процесса производства и невозможность при настоящем уровне культуры перевести его одними декретами и штучками на другие, социалистические рельсы станет для всех ощутительна и очевидна, — только тогда заманчивые лозунги получат в глазах массы настоящую цену. А иначе — все будет казаться: «Вот если бы не помешали, все уже было бы устроено...» — это написано в 1919-м. Последние годы жизни Владимира Галактионовича Короленко, писателя и публициста, совпали с годами революции и гражданской войны.

Большой частью неопубликованная и не известная читателю часть его творческого наследия этого периода поражает глубиной проникновения писателя в сущность происходящих событий. В письме к А. В. Луначарскому от 22 сентября 1920 года он пишет: «В прошлом, 1919 году, ко мне приезжал корреспондент вашего правительственного Телеграфного агентства, чтобы предложить мне несколько вопросов о том, что я думаю о происходящем. Я не люблю таких интервью. Помимо того, что я писатель и мог бы сам формулировать свои мысли, — эти интервью почти всегда бывают неточны. Но опять таки — я писатель, т. е. человек, стремящийся к тому, чтобы его мысли стали известны. А вы убили свободную печать. И я согласился отвечать корреспонденту, выразив только сомнение, чтобы мои мысли нашли место в большевистской печати. Он ответил, что за это не ручается, но агентство разошлет это интервью руководителям Советской власти. Интервью в печати не появилось...»

Мысли писателя, изложенные в этом интервью, не устарели, более того, сегодня они особенно актуальны.

«Основная ошибка советской власти — это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе. Отсюда огромная ошибка — классовая диктатура. Рост социализма я сравниваю с ростом коралловых островов, атоллов, которые подготавли-

ваются органически на глубине. Социальная революция подобна моменту появления острова на поверхности. Этот момент должен быть завершением долгой органической работы... Под органической работой я разумею... подготовительный органический процесс социализации жизни во всех слоях общества...

— Каково ваше мнение о назревающей мировой революции?

— Я считаю, что расчет на мировую революцию ошибочен. Основная идея Маркса и Энгельса та, что капитализм органически создает свое отрицание. Это отрицание не только негативно, но и положительно. Жизнь выдвигает в процессе долгой борьбы новые факты и новые учреждения. У нас их явно недостаточно.

— Теперь меня интересуют некоторые частности. Мне кажется, даже вы не можете не согласиться с той положительной работой, которая ведется Советской властью?

— Есть два типа администраторов: один предоставляет простор всему, что закономерно возникает в жизни, другие полагают, что должно существовать только то, что насаждается и произрастает под их непосредственным влиянием. Такие администраторы полагают, что даже растение нужно подтягивать из земли мерами администрации. Большевизм за все борется сам, поэтому подходит ко второму типу. Закрыв демократических самоуправлений, попытка все сделать декретами и предписаниями без содействия общественных сил вредит даже лучшим начинаниям этого рода, например, в области народного просвещения, где, мне кажется, сделано немало хорошего.

Позволю себе закончить следующим личным впечатлением. Я плохо разбираюсь в оттенках партий, так как не считаю себя активным политиком.

Знаю, что вся жизнь проникнута теперь каким-то озверением. К представителям всех сменяющих друг друга на моих глазах режимов я обращаюсь с призывом к че-

дались. В том же 1919 году он пишет: «Могущественное государство... подавляло всякое проявление мнения и воли страны, а поэтому и не могло их знать. Оно видело свое могущество в том, чтобы никакого мнения и никакой воли страны не было...»

Но вот над «единой великой Россией» грянул гром, и она сразу развалилась на части с такой быстротой, которая способна вызвать удивление. Очевидно, это единство было спаяно очень плохо.

Чисто полицейская организация — плохой цемент...

Власть доноса — власть не только подлая и безнравственная, но и опасная. Както раз мне пришлось объясняться в чрезвычайке по поводу группы хлебобобов, скромных людей, не занимавшихся никакой политикой. Я привел убедительные резоны, что этих людей с точки зрения даже большевистской власти, лучше всего отпустить в их деревню к весенним полевым работам... Это так, пожалуй, — сказал один из «чрезвычайников», видимо, поколебавшийся. — Но что же мы скажем «нашим крестьянам»?

«Наши крестьяне» — это значит та часть крестьян, то порой ничтожное меньшинство, которое во имя большевизма держало в страхе массу населения властью гнусных доносов. Отпустить арестованных — это значит ослабить значение этого меньшинства на месте...

В декабре 1921 года В. Г. Короленко умер. Президиум ВЦИК от имени Советской власти дал обещание принять «все меры к широкому распространению произведений покойного среди трудящихся Республики». Однако обещание осталось невыполненным. Предпринятая в 1927 году попытка издания полного собрания сочинений В. Г. Короленко до сих пор не осуществлена.

Материалы к публикации подготовил Геннадий ШАРЫЙ. НА СНИМКЕ: В. Г. Короленко, 1890 г.

Фото из архива автора.